

Глава 13. Уход Цзыцзюань

Линь Лан оставался в доме гостем — мужчиной, пусть и родственником, а потому без крайней нужды обедать у Матриарха ему не следовало. Старая госпожа не раз звала его к своему столу, уверяя, что они одна кровь и чужаться негоже, но юноша понимал всю неловкость своего положения. Проводи он слишком много времени в обществе местных барышень, не миновать слухов. Случись такое — и не успеет отец приехать в столицу, как учитель Лин сотрет его в порошок. Разумеется, он всякий раз вежливо отказывался. Видя его упорство, Матриарх в конце концов махнула рукой, и Линь Лан оставил Дайюй обедать у себя в покоях, избавив сестру от необходимости ходить на общие трапезы.

Как говорится, старший брат — вместо отца, а потому Дайюй разделяла трапезу с ним в его дворе.

За едой по обычаю полагалось молчать, однако в доме Линь всегда ценили непринужденность, если она не нарушала приличий. К тому же за столом они сидели вдвоем, поэтому Линь Лан прервал тишину:

— Пока меня не было, Баюй не приходил докучать тебе?

Дайюй усмехнулась:

— Да как он посмеет? Ему ведь нужно ходить на учение, не то что тебе — сидишь дома целыми днями!

— Увы, — притворно вздохнул Линь Лан. — Оказывается, сестрице не по душе мое присутствие. Что ж, видно, придется мне уйти.

Дайюй лукаво прищурилась:

— Раз так, почему бы тебе поскорее не отправиться к учителю Лину? Пожалуйся ему на судьбу или просто погостишь у него подольше.

— Ладно, если говорить серьезно, — улыбнулся Линь Лан, — скоро мне действительно придется отлучаться на учебу каждый день. Ты останешься здесь одна, так что будь осторожнее.

Дайюй удивленно приподняла брови:

— Но ведь Учитель Лин преподает в императорском дворце. У кого же ты собрался учиться?

— Как знать, — загадочно протянул Линь Лан. — Вдруг император, видя мои юные годы и зная

крутой нрав моего наставника, позволит и мне учиться во дворце?

Дайюй рассмеялась:

— Солнце еще не зашло, братец, а ты уже гредишь наяву!

— Что ж, — сокрушенно вздохнул он, — тогда буду есть быстрее, чтобы поскорее лечь в постель и досмотреть этот сон.

Дайюй едва не поперхнулась от смеха.

— Брат! За едой не разговаривают! — шутливо возмутилась она.

Видя ее веселой и беззаботной, Линь Лан успокоился. Он послушно умолк, с улыбкой положил сестре в тарелку лучшее угощение и принялся за еду.

Вскоре посуду убрали, и Хэцзя подала цветочный чай.

— Ступайте ужинать, — распорядился Линь Лан.

Служанки поклонились и вышли. Дайюй отпила глоток чая и зажмурилась от удовольствия:

— До чего душистый! И оставляет такое сладкое послевкусие.

— Я человек простой, — усмехнулся Линь Лан. — Пью его после еды только потому, что он полезен для желудка. Если тебе понравился, пусть твоя Жуи приготовит такой же. Постой, но ведь у тебя должен быть точно такой же сбор? Неужели тебе его не заваривали?

Дайюй задумалась, на ее лице отразилось смущение.

— Должно быть, есть... Я просто не помню.

Линь Лан удивленно изогнул бровь:

— Как это понимать?

Дайюй не хотелось лгать брату, и она призналась:

— Они ведь только недавно прислуживают мне. Видно, не успели поладить, да и Цзыцзюань

относится к ним настороженно, оттого и...

Линь Лан все понял без лишних слов. Обычные девичьи дразги: новенькие не поделили место у ног хозяйки со старой служанкой. Дайюй же из деликатности не решалась принять чью-либо сторону, из-за чего страдало хозяйство.

«Похоже, с поиском опытной наставницы медлить нельзя, — размышлял он. — Если сестра не научится твердости, ей несдобровать. Пока я рядом, прислуга еще знает край, но что будет потом, когда она останется одна?»

Заметив, как помрачнел брат, Дайюй испугалась, что служанкам несдобровать. Совсем недавно она слышала, что Хэлэ из его покоев сурово наказали лишь за то, что та сболтнула лишнее. Уж ее-то девочкам точно грозила беда.

— Они просто оступились по неосторожности, — поспешила заступиться Дайюй. — Я сама с ними поговорю, братец.

Линь Лан вздохнул. Он понимал, что не сможет вечно решать за сестру ее проблемы.

— Я знаю, какое у тебя доброе сердце, — мягко сказал он. — Но слуги обязаны преданно исполнять свой долг. Нерадивость — это проступок. Спустишь им с рук один раз — и в следующий они совсем сядут тебе на шею. Не вмешивайся. Ради тебя я не стану наказывать их слишком строго.

Дайюй открыла было рот, чтобы возразить, но Линь Лан жестом остановил ее и сделал глоток чая. Сердце девочки сжалось от тревоги. Пусть новые служанки приехали недавно, все они выросли в доме Линь и выказывали ей искреннюю заботу. По преданности они ничуть не уступали Цзыцзюань. Но ведь Цзыцзюань росла вместе с ней целых три года! Да, в последнее время она вела себя странно, но лишь потому, что боялась лишиться доверия хозяйки.

Обе стороны желали ей добра, и Дайюй не хотела, чтобы пострадал хоть кто-то.

— Ты все еще хочешь оставить при себе Цзыцзюань? — вдруг спросил Линь Лан.

Дайюй вздрогнула:

— Брат?..

— Я не пытаюсь очернить ее, — ровным голосом ответил Линь Лан. — Но спроси себя сама: так ли чисты ее помыслы?

Эти слова заставили Дайюй задуматься. Неужели брат разглядел в ее служанке то, чего не

замечала она сама? Цзыцзюань приставили к ней в первый же день в поместье Жунго. С тех пор она заботилась о ней не покладая рук: ухаживала во время болезней, укутывала в непогоду, предугадывала любое желание. Как можно сомневаться в ее верности? Почему брат так суров к ней?

Линь Лан видел замешательство сестры. Он знал, что за годы разлуки с родным домом Цзыцзюань стала для Дайюй ближе многих, но простить предательство не мог. Эта девка втайне бегала докладывать сначала Матриарху, а затем и госпоже Ван! О чем бы они ни шептались за закрытыми дверями, оставлять шпионку подле сестры было смертельно опасно.

— Побудь здесь, — твердо произнес Линь Лан. — И ты своими глазами увидишь, кому доверяла все это время.

Непоколебимая уверенность брата лишила Дайюй последних сомнений, и она молча кивнула.

Вскоре служанки закончили ужинать и вернулись в покои.

— Ступайте на закрытую веранду, — приказал Линь Лан. — Соберите там всех наших людей из дома Линь. Остальную челядь выпроводите и проследите, чтобы никто не смел приближаться.

Хэцзя поклонилась и вышла исполнять приказание, Хэжу поспешила за ней. Спустя малое время в дверях показалась юная служанка:

— Молодой господин, все готово.

Линь Лан коротко кивнул и повел сестру на веранду.

Стоило Линь Лану ступить под своды веранды, как служанки склонились в глубоком поклоне. Юноша опустился в кресло и ледяным тоном произнес:

— Все, кто приставлен к барышне, — на колени!

Обычно мягкий и снисходительный, в гневе Линь Лан становился страшен. Горничные, прибывшие с ним из Гусу, слишком хорошо помнили, какими суровыми методами молодой господин наводил порядок в родном поместье. Они мгновенно опустились на колени, боясь издать хоть звук.

— Ну что, Цзыцзюань, — заговорил Линь Лан, сверкнув глазами. — Сама во всем признаешься или позволить высказаться другим?

Девушка вздрогнула. Хотя она стояла в одном ряду со старшими служанками, между ней и остальными четверьмя давно пролегла невидимая пропасть. Вопрос молодого господина застал

ее врасплох. С трудом совладав с дрожью, она попыталась вернуть лицу бесстрастное выражение.

— Отвечая молодому господину Линь, — тихо, но твердо произнесла она, — глупая служанка не знает, в чем провинилась перед вами. Прошу, укажите мне на мои ошибки, и я тотчас их исправлю.

Линь Лан не стал тратить слова на пустые препирательства и кивнул Хэхуань.

Хэхуань шагнула вперед и холодно отчеканила:

— Вчера девица Цзыцзюань ходила к старой госпоже и провела там наедине с ней добрых полчаса. После этого она напрямиком направилась к госпоже Ван, где пробыла еще столько же. Хотелось бы узнать, о чем шла беседа весь этот час?

Вчера Жуи с подругами весь день не отходили от Дайюй, не подпуская к ней прежнюю любимицу. Цзыцзюань, решив, что за ней никто не следит, тайком выскользнула из двора. Она и представить не могла, что каждое ее движение было записано! Впрочем, страх быстро сменился привычной покорностью.

— Старая госпожа звала меня лишь для того, чтобы расспросить о здоровье барышни, — поклонилась Цзыцзюань. — Она и раньше часто вызывала меня по этому поводу. А вторая тетушка призвала меня из милости, зная, что я давно не виделась с родными, и пожелала узнать, как поживает моя семья.

Хэхуань лишь насмешливо прищурилась:

— Вот как? Значит, старая госпожа и вторая тетушка не давали тебе никаких иных поручений?

Цзыцзюань испуганно вскинула голову:

— Старая госпожа и вторая тетушка лишь наказывали мне пуще прежнего заботиться о барышне! Больше ничего они не говорили!

— В таком случае, — вкрадчиво спросила Хэхуань, — не объяснит ли нам девица Цзыцзюань, что за лекарственный порошок спрятан у нее в комнате?

Только теперь служанка окончательно потеряла самообладание. Она не знала, что молодой господин уже разгадал весь замысел. Госпожа Ван, заставив ее подчиниться под угрозой расправы над родными, приказала через три дня подсыпать Линь Лану любовное зелье, а после закричать на весь дом, чтобы застать его с поличным и навсегда опозорить семью Линь. Цзыцзюань была личной служанкой Дайюй; случись подобный грех между ней и молодым господином Линь, тень позора легла бы и на саму Дайюй. Грязные козни обитательниц

внутренних покоев были просты, но действенны. Линь Лан не желал ввязываться в эти бабьи склоки, но и позволить плести интриги у себя под носом не мог. Именно поэтому он решил избавиться от Цзыцзюань раз и навсегда.

— Ну так что, девица Цзыцзюань? — повторила Хэхуань, глядя на нее в упор. — Мы ждем ответа.

Но что она могла сказать? Признаться при всех, что согласилась отравить молодого господина похотным зельем ради его бесчестья? Нет, это означало немедленную смерть. Пока служанка лихорадочно подыскивала слова для оправдания, Дайюй почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

Ей не требовалось никаких объяснений о сути этого порошка. Все и так было предельно ясно: близкий человек, которому она доверяла безраздельно, предал ее и пошел на сговор с врагами. Вся жалость, что Дайюй испытывала к Цзыцзюань еще минуту назад, мгновенно испарилась, уступив место глухой обиде и разочарованию.

Она прикрыла глаза, чувствуя смертельную усталость.

— Братец, мне нехорошо. Разреши мне уйти к себе. Поступай с ней так, как сочтешь нужным.

Линь Лан сочувствовал сестре, но понимал: ей пора повзрослеть и научиться смотреть в глаза жестокой правде жизни, а не прятаться за девичьей хрупкостью.

— Цзыцзюань — твоя служанка, — твердо возразил он. — Ты должна остаться.

Дайюй пришлось подчиниться. Услышав, что хозяйка умывает руки и оставляет ее на произвол судьбы, Цзыцзюань окончательно потеряла самообладание.

«Молодой господин терпел меня лишь ради барышни, — в ужасе осознала она. — Но раз барышня за меня не заступится, пощады ждать нечего!»

— Пощадите, молодой господин! — взмолилась она, заливаясь слезами. — Пощадите неразумную! Клянусь, я больше никогда не посмею...

Даже сейчас девка лукава: не называла своей вины и не говорила, в чем именно раскаивается. Будь она предана дому Линь, юноша оценил бы ее недюжинный ум, но сейчас это вызывало лишь брезгливость.

— Мне дела нет до твоих замыслов, — холодно прервал ее Линь Лан. — Ты не принадлежишь дому Линь, а потому и судить тебя не мне. Хэцзя! Отведи ее к старой госпоже. Скажи, что у барышни Дайюй и без того слишком много прислуги. Столь пышная свита для столь юной особы — не к добру, это лишь навлечет несчастья. А поскольку Цзыцзюань прежде

принадлежала Матриарху, мы с благодарностью возвращаем подарок.

Хэцзя кивнула и вместе с двумя младшими служанками подхватила рыдающую девицу под руки, увлекая вон с веранды. Дайюй сидела бледная как полотно. Линь Лан видел ее страдания, но не проронил ни слова утешения, да и сама она упрямо сжимала губы, заставляя себя терпеть до конца.

Повернувшись к застывшим в страхе служанкам, Линь Лан произнес:

— Все вы прибыли со мной из Гусу и принадлежите роду Линь. Повторять дважды я не стану: будьте бдительны. За нынешнюю оплошность вы все лишаетесь жалованья за один месяц. Ступайте и помогите барышне лечь в постель.

Девушки дружно поклонились, но не сдвинулись с места. Лишь Жуи со своими помощницами шагнула вперед и бережно встала по обе стороны от Дайюй.

— Ты ведь уверяла, что устала, — мягко обратился к сестре Линь Лан. — Иди отдыхай. Обо всем остальном поговорим завтра. И не смей изводить себя дурными мыслями.

Дайюй тихонько кивнула и покорно побрела к себе в сопровождении Жуи и ее девушек. На веранде приятно веяло вечерней прохладой, и Линь Лан решил остаться на воздухе. Он велел Хэхуань принести письменные принадлежности — ему хотелось немного пописать, чтобы успокоить мысли.

Не успела Хэхуань разложить на столе тонкую бумагу и растереть тушь, как вернулась Хэцзя.

— Ну как все прошло? — поинтересовался он, не поднимая глаз.

— Старая госпожа была явно не в духе, но девку приняла обратно, — доложила Хэцзя. — По дороге я не стала затыкать ей рот, так что она ревела на все поместье. Думаю, к утру об этом будет судачить каждая кухарка.

Линь Лан задумчиво кивнул:

— Хитрая бестия. Жаль, что служила не нам.

Хэцзя промолчала, зная, что молодой господин говорит это без злого умысла. Заметив, что она все еще стоит рядом, он с улыбкой спросил:

— Чего застыла? Ступай по делам. Или ты меня бояться начала?

— Да она просто подлизывается, — весело фыркнула Хэхуань, — боится, как бы молодой господин на ней зло не сорвал!

Хэцзя, прислуживавшая Линь Лану с малых лет, прекрасно знала его отходчивый нрав, а потому лишь шутливо пригрозила подруге кулаком:

— Ах ты негодница! И откуда в твоей голове столько глупостей? Я просто хотела перевести дух после долгой дороги.

— Надо же, — не унималась Хэхуань, — не знала, что стоять столбом — лучший способ отдыхать. Поделилась бы секретом с младшей сестрой!

— Полно вам, — покачал головой Линь Лан. — Ступайте обе. Мне никто не нужен, я побуду один.

Девушки поклонились и вышли, однако оставить молодого господина совсем без присмотра не решились. Они усадили двух младших служанок на галерее неподалеку: те не мешали Линь Лану шумом, но в любую минуту могли явиться по его первому зову.

<http://bllate.org/book/18219/1752951>